

А.П. Мякшев

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СССР (1985–1991 годы):**

**от кризиса межэтнического доверия
к распаду единого государства**

Саратов 2018

Документ, составленный там же и получивший известность после публикации в «Независимой газете» под названием «Альпбахская декларация», содержал уверенность в «исчерпании» всех средств спасения советской модели и убежденность в «единственно реалистичном решении» о переходе к «системе 15 независимых центров принятия финансово-экономических решений»⁷⁹. Мы склонны не переоценивать близкую к конспирологической версию о формировании цельной программы либерализации в недрах позднего «развитого социализма». Более того, на наш взгляд, деятельность ВНИИСИ изначально была нацелена на поиск средств и методов реанимации экономической реформы 1965 г., доказывающей саму возможность успешного реформирования социалистических отношений, явным доказательством чему является тот факт, что руководство институтом было доверено Д.М. Гвишиани, зятю человека, именем которого реформа и была названа – А.Н. Косыгина. Продолжая «родственный ряд» следует напомнить, что сестра Д.М. Гвишиани была первой женой Е.М. Примакова, а его отец – генерал КГБ. А появление в качестве сотрудников ВНИИСИ Е.Т.Гайдара, внука двух советских писателей и сына контр-адмирала, П.О.Авена, внука латышского стрелка и сына члена-корреспондента АН СССР, «идеологическая близость» к ним А.Б. Чубайса, сына преподавателя марксизма-ленинизма Ленинградского горного института, доказывает, что к

моменту начала перестройки «разочарование в социалистических ценностях» было заметным явлением в высших эшелонах советской элиты.

Сам Михаил Сергеевич ответ на вопрос «Так кто же развалил Союз?» свел к обвинениям в адрес Б.Н. Ельцина, «опасного для России человека», «человека с разрушительной философией»⁸⁰. Между тем, в конце 1999 г. М.С. Горбачев торжественно заявлял: «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма ... Именно для этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А.Н. Яковлев и Э.А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы»⁸¹. На первый взгляд, первые кадровые перемещения в высшем эшелоне власти, произведенные новым Генсеком, были нелогичны и непродуманны.

Широко распространенная в литературе характеристика Б.Н. Ельцина как «совершенно невежественного человека, без принципов и убеждений»⁸², на наш взгляд, является явным упрощением. Сделав типичную карьеру партократа, Б.Н. Ельцин обладал твердыми принципами: «Я в 1991 г. ставил перед собой в качестве главной задачу всю жизнь повернуть круто и наоборот. Поэтому я подобрал команду, которая ничего из прошлого не ценила и должна была только строить будущее»⁸³. Борис Николаевич был убежден, что «по другому было просто нельзя»: «Кроме сталинской промышленности, сталинской экономики, адаптированной под сегодняшний день, практически не существовало никакой другой. А она генетически диктовала именно такой слом – через колено. Как она создавалась, так и была разрушена»⁸⁴. Горбачев и Ельцин оказались несостоятельными созидателями, однако Ельцин был более талантлив в «разрушении и расколе».

Пост министра иностранных дел занял Э.А. Шеварднадзе, никогда к внешней политике государства не имевший никакого отношения, равно как и системного образования. Будучи первым секретарем ЦК ЛКСМ Грузии, он получил диплом историка, закончив Кутаисский пединститут. Пройдя путь от инструктора райкома комсомола до министра внутренних дел (1968 г.) и первого секретаря ЦК Компартии Грузии (1972 г.), Шеварднадзе в 1978 г. был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. К этому времени, по собственным признаниям Шеварднадзе, он уже «сомневался» в коммунистических идеях⁸⁵, а однажды, беседуя с Горбачевым на отдыхе в Пицунде о состоянии советского общества, они вместе пришли к выводу, что

«все прогнило»⁸⁶. Г. Киссинджер указывал, что уже «в начале 1989 года» Горбачев доверительно сообщал ему об их общем с Шеварднадзе мнении о том, «что коммунистическую систему следует изменить с головы до ног», причем к таким выводам они пришли «где-то в 70-е годы»⁸⁷.

Доктор исторических наук А.Н. Яковлев в июле 1985 г. возглавил отдел пропаганды ЦК КПСС. Александр Николаевич в должности начальника кафедры военной и физической подготовки Ярославского пединститута в 1944–1945 гг. одновременно учился на историческом факультете пединститута, а затем еще год – в Высшей партшколе при ЦК ВКП(б). Образование получил уже после достижения 35-летнего возраста в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС и в американском Колумбийском университете, где стажировался в 1958–1959 гг. вместе с будущим генералом КГБ О. Д. Калугиным, приговоренным в РФ в 1992 г. к 15 годам за «государственную измену», под научным руководством одного из видных политологов-антикоммунистов Д. Трумэна. Это не помешало работе А.Н. Яковлева в ЦК КПСС, в течение 10 лет быть послом в Канаде, откуда по настоянию посетившего Канаду в 1983 г. М.С. Горбачева вернулся сразу на должность директора Института мировой экономики и международных отношений. В коммунизме Яковлев «разочаровался» еще раньше, чем Шеварднадзе и Горбачеве: «Давным-давно, более 40 лет назад, я понял, что марксизм-ленинизм – это не наука, а публицистика – людоедская и самоедская»⁸⁸. Яковлев не скрывал, что «после XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества»⁸⁹. «Группа истинных, а не мнимых реформаторов», сообщал он, разработала план: «авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – революционаризму вообще»⁹⁰.

Таким образом, во главе коммунистического Советского Союза и социалистического общества в 1985 г. оказались политики, не имевшие глубокого и системного образования, стойких убеждений и принципов. Чертой характера, объединившей «архитекторов» и «прорабов» перестройки, можно назвать «мировоззренческий цинизм». Э.А. Шеварднадзе не скрывал, что «открыто мы говорили одно, в узком кругу – другое»⁹¹, А.Н. Яковлев подчеркивал, что «деятели были разные: толковые, глупые, просто дураки. Но все были циники. Все до одного, и я – в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святостным, истинные

убеждения держали при себе»⁹². Представляется, что версия об «агентах влияния», широко представленная в историографии, имеет право на существование. Но прежде всего, мы склонны усматривать в данных выше характеристиках руководителей перестройки безукоризненное доказательство того, что часть советской «постсталинской» элиты, «аристократов духа», как называл их один из высокопоставленных партийных идеологов⁹³, разочаровалась в социалистических идеалах и была готова от этих ценностей отказаться. Нагляднее всего подобное настроение выражено в рассуждениях Ф.М. Бурлацкого, руководителя группы консультантов при Генеральном секретаре ЦК КПСС Ю.В. Андропове. После посещения стран Западной Европы в 1956 г., он «понял тогда, что мы живем в отсталой полуфеодальной стране, закрытой от всего мира – не только невозможностью выезда, контактов, но и всей идеологией, авторитарным режимом. Именно к этому времени восходит мое западничество – не как вера в механическое заимствование европейского образа жизни, а как осознание отсталости нашей власти и общества, необходимости поиска реальных путей преодоления пропасти»⁹⁴.